

ПОПЫТКИ ОРГАНИЗАЦИИ СОПРОТИВЛЕНИЯ РЕАЛИЗАЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕЛИГИОЗНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ В БССР (1930-е гг.)

И. И. Янушевич

*Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск,
Беларусь, yanush@bsu.by*

В статье проводится анализ деятельности антирелигиозного аппарата вызывавший наибольшее возмущение и сопротивление верующих. Установлено, что главное недовольство верующих вызывало нарушение советского законодательства о свободе совести и религиозных организациях уполномоченными лицами. Пропаганда доказывала полное невмешательство государства в дела Церкви и строгое соответствие действий партийных и советских органов Конституции и социалистической законности. Определено, что недовольство верующих выражалось в срыве антирелигиозных мероприятий, массовых выступлениях против представителей советской власти и препятствию исполнению ими своих должностных обязанностей.

Ключевые слова: социалистическая законность; антирелигиозная пропаганда; Православная церковь.

СПРОБЫ АРГАНІЗАЦЫІ СУПРАЦІВУ РЭАЛІЗАЦЫІ ДЗЯРЖАЎНАЙ ПАЛІТЫКІ Ў АДНОСІНАХ ДА РЭЛІГІЙНЫХ АРГАНІЗАЦЫІ У БССР (1930-я гг.)

І. І. Янушэвіч

*Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь
yanush@bsu.by*

У артыкуле праводзіцца аналіз дзейнасці антырэлігійнага апарата якія выклікалі найбольшае абурэнне і супраціў вернікаў. Устаноўлена, што галоўная незадаволенасць вернікаў выклікала парушэнне савецкага заканадаўства аб свабодзе сумлення і рэлігійных арганізацыях упаўнаважанымі асобамі. Прапаганда даказвала поўнае неўмяшанне дзяржавы ў справы Царквы і строгаю адпаведнасць дзеянняў партыйных і савецкіх органаў Канстытуцыі і сацыялістычнай законнасці. Вызначана, што незадаволенасць вернікаў выяўлялася ў зрыве антырэлігійных мерапрыемстваў, масавых выступленнях супраць прадстаўнікоў савецкай улады і перашкодзе выканання імі сваіх службовых абавязкаў.

Ключавыя словы: сацыялістычная законнасць; антырэлігійная прапаганда; Праваслаўная царква.

ATTEMPTS TO ORGANIZE RESISTANCE TO THE IMPLEMENTATION OF STATE POLICY TOWARDS RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN THE BSSR (1930S)

I. I. Yanushevich

Belarusian State University, Independence Ave., 4, 220030, Minsk, Belarus, yanush@bsu.by

The article analyzes the activities of the anti-religious apparatus that caused the greatest indignation and resistance of believers. It is established that the main discontent of believers was caused by the violation of Soviet legislation on freedom of conscience and religious organizations by authorized persons. Propaganda proved the complete non-interference of the state in the affairs of the church and the strict conformity of the actions of the party and Soviet bodies with the constitution and socialist legality. It was determined that the discontent of believers was expressed in the disruption of anti-religious events, mass demonstrations against representatives of the Soviet government and obstruction of their official duties.

Keywords: socialist legality; anti-religious propaganda; Orthodox Church.

Реализация государственной политики по отношению к религиозным организациям в БССР проходила в условиях жесткого идеологического контроля и динамично изменяющейся экономической и общественно-политической ситуации. Партией была поставлена задача формирования безрелигиозного общества. Коммунизм не предполагал наличие верующих в силу отсутствия потребности в религии у людей при данном строе. Претворение в жизнь большевистской программы требовало перевоспитания не менее ста миллионов человек. Практика показала, что идеологическая работа, атеистическое воспитание крайне медленно воздействуют на показатели уровня религиозности, а значит пригодности для коммунистического строительства. Необходимо было задействовать и комплекс силовых мер воздействия. Аресты и физическое уничтожение духовенства, отъем церковной собственности и установление непомерных обязательных платежей, закрытие храмов и инспирирование расколов стали основным содержанием антирелигиозной работы в межвоенный период.

Между тем верующие не могли смириться с попыткой полного ограничения на исповедание религии. Это вызывало как стихийные, так и организованные выступления. В 1920-е гг., когда антирелигиозные кампании носили спонтанный характер, способом сопротивления выступал рост интереса к богослужениям и появлению различного рода «чудес», «святых писем», «старцев» и т. д. Преобразование народнохозяйственного комплекса страны советов во второй половине десятилетия, внешнеполитическая ситуация, новый этап государственного строительства вызывали изменения и в общественно-политической жизни. Политика по отношению к религиозным организациям и верующим, которые к 1929 г. все еще составляли от 70 до 90% населения, нуждалась в корректировке [1, л. 1–2]. Есть основания предположить, что воцерковленность православных верующих в государстве, более 10 лет назад объявившем войну религии и церкви, была в качественном отношении на дореволюционном уровне, а с учетом преобразований в

системе жизнеобеспечения Русской православной церкви (РПЦ) и фактору соборности, сотрудничества среди единоверцев, то и гораздо эффективнее. Предыдущий период показал, что верующие и клир были готовы вступить в противодействие с властями для сохранения возможности традиционного исповедания той или иной религии. Здесь необходимо обозначить, что расцерковление православного населения было весьма значительно. Однако и для этих людей, которых главным образом тяготило выполнение всех требуемых процедур, ликвидация церкви, устоявшихся обычаев была не приемлема. Пропаганда атеизма и в организационном, и в методологическом плане показывала низкую свою эффективность [2, л. 13–27]. Численность даже во многом номинальных борцов с религией – членов Союза безбожников – была в 1928 г. на уровне 0. 16 % [1, л. 1–2]. Фактически все крупные религиозные организации, в том числе максимально подвергающаяся всякого рода ограничениям и экспериментам РПЦ, продолжали функционировать пусть даже и в режиме выживания. Задача максимум для антирелигиозников сменилась по православной церкви от полного ее уничтожения перешла к полному подчинению. Однако и её реализовать в 1920-е г. не удалось. Создание мощной системы осведомления, марионеточное обновленчество, белорусские, украинские и прочие автономии и автокефалии, григорианство не обеспечили контроль над Церковью. Уже во второй половине 1920-х г. существовала автономная система коммуникаций и администрирования в Русской православной церкви [3, с. 17]. Иные культы были ещё более законспирированы. Реализуемая через ОГПУ политика по отношению к религиозным организациям (главным образом, крупным культам) могла стать эффективной только в случае, если иерархи, клир и церковно-приходские советы окажутся частью или придатком государственного аппарата. Это ещё троцкистская установка не учитывала главного – возможности культов по организации функционирования своих структур вне официального правового поля. То же тайное голосование по избранию патриарха в 1920-е гг. это продемонстрировало [4, с. 117].

На переднем плане обороны православных христиан от безбожной власти в 1930-е гг. оказалось противодействие закрытию молитвенных зданий – традиционного центра религиозной жизни. Полное попрание норм коммуникаций в обществе, несоблюдение действующего законодательства, в том числе и Конституции, при ликвидации богослужебных помещений в сочетании с агрессивной пропагандой и рецессивными мерами внесли в 1929 г. растерянность в ряды клира. церковной приходских советов,

верующих [5, л. 1–3]. Уже к весне 1930 г. становится очевидной перспектива полной ликвидации богослужебных помещений. Верующие не могли мириться с фактами абсолютно незаконного отъема храмов, переложения и арестов духовенства [6, л. 62]. На местах закрытие богослужебных помещений, за редким исключением, осуществлялось без проведения требуемых законом и партийными рекомендациями по организации информационно-разъяснительной работы мероприятий [7, л. 7]. Голосование и сбор подписей за закрытие зачастую проводились только среди представителей иных культур, иных культов, идеологического актива, школьников и обучающихся, не имеющих отношение к конкретному храму [8, л. 380]. Даже при получении большинства голосов «за» перепрофилирование здания под социально-культурные или иные цели на конкретном собрании оставались те, кто не принимал участия в голосовании или выказался «против». А это и были воцерковленные прихожане. Расцерковленному верующему, тому, кто посещал богослужение раз в год, это не наносило душевной раны или дискомфорта, а для верующего наличие ближайшего храма на расстоянии 50–60 км. было однозначно издевательством. Церковное имущество конфисковывалось непонятными людьми, выбрасывалось, в том числе использовалась в оскорбительным для верующего человека назначении [9, л. 120]. Обложение клириков разного рода налогами в совершенно необоснованных объёмах, аресты, в том числе за неуплату непомерных налогов, в 1929–1930 гг. стали обыденным делом [7, л. 4–5]. На подобные действия властей реакция верующих носила эмоционально мотивированный массовый и достаточно организованный характер [10, л. 170]. Имело место вооруженное сопротивление инициаторам и исполнителям закрытия храмов, снятия крестов и выемке имущества [11, л. 134]. В отношении антирелигиозников применялось насилие [12, л. 223, 226]. Во время волнений органы власти теряли возможность исполнения своих функций, а административные помещения на непродолжительное время занимались (захватывались) верующими [7, л. 8–9]. Прихожанами предпринимались попытки освобождения из-под ареста своих священнослужителей, сбора средств для уплаты явно завышенных налогов [9, с. 116]. Верующие дежурили возле храма для созыва односельчан в случае попытки его захвата посторонними [8, л. 382]. Они активно отстаивали свое право на возможность соблюдения традиционных форм проведения религиозных праздников. Особенно это касалось двенадцатых и приходских. После введения пятидневной рабочей недели выходной очень редко мог совпасть

с днем Пасхи или Троицы. Однако многие верующие старались в максимально полном объеме выполнить и обрядовую, и религиозную часть действа. Приготовление соответствующих блюд, освящение их в церкви, а при невозможности в дальнейшем и не вполне каноничным образом, несмотря на запреты и осмеяние партийно-комсомольским активом и руководством проходило повсеместно [13, л. 2]. В день праздника, а на Пасху, Рождество, Троицу и в течение трех дней, люди старались под различными предлогами не выйти на работу. По г. Гомелю на Пасху 1932 г. «процент больных в эти дни увеличился вдвое больше» [13, л. 2]. Вышедших в состоянии алкогольного опьянения на фабрику «X-я Октября» г. Гомеля рабочих нечем было заменить, так как не хватало специалистов, тем более 107 рабочих не пришли вообще [13, л. 2]. Колхозники в большинстве своем, особенно в страду, вынуждены были выходить на работу, чем вызывали укоры единоличников. Но и они к вечеру присоединялись к празднующим [14, л. 196].

Еще сложнее обстояло дело с решением задачи по уменьшению предметов религиозного поклонения. В первую очередь это касалось в 1930-е гг. икон и нательных крестиков. Партийцы в Житковичском районе в 1936 г. обнаруживали иконы в домах у 70–80% населения [14, л. 199]. В этом уличались и руководители: «Старшыня калгаса імя АДПУ Шляга трымае ікону у хаце пад сваей кравацью – зачыненаю палаценцам» [14, л. 199].

Решение о ликвидации храма, особенно если он после закрытия стоял не приспособленный ни для какой иной цели, вызывало недовольство населения, жалобы в вышестоящие организации. Это срывало пропагандистскую работу в области распространения атеизма. В Постоянную центральную комиссию по религиозным культам за 1929 г. поступило 11715 жалоб, а в 1931 г. уже 31747 [15, л. 56–58]. Резкая антицерковная атака наносила урон процессу коллективизации, что было признано и на общегосударственном уровне. Сам процесс коллективизации шёл очень сложно. Социальная база была незначительна, однако агитация и административное давление обеспечили к 1932 г. значительный процент обобществленных хозяйств. В процессе агитации за коллективизацию церковный вопрос обострился. Верующие колхозники указывали, что «при организации колхоза нам говорили, что будет и коллектив, и церковь, и Бог, а теперь закрывают» [16, с. 141]. Между тем духовенство, церковный актив вели негласную агитацию против колхозного хозяйства. Власти объясняли это боязнью утраты источника финансовой поддержки церкви [16, с. 142].

Священнослужители не могли быть безучастны к судьбам «раскулаченных», одно общение с которыми расценивалось как «выходка» [8, л. 37].

Таким образом, проведенное исследование показывает, что верующие люди стремились защитить свои святыни. Сопротивление верующих максимально полному ограничению деятельности РПЦ со стороны партийно-государственных структур принимало различные формы. Это касалось и выполнения обрядов, посещения богослужений, и активных форм сопротивления. Всех причастных к захвату административных помещений, препятствию выполнения служебных обязанностей тех же землемеров или изгнанию привлекали к уголовной ответственности. Наибольшее возмущение верующих вызывало закрытие храмов. Это спланивало прихожан, что способствовало появлению нетрадиционных способов организации религиозной жизни.

Библиографические ссылки:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 89. Оп. 4. Д. 26.
2. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ) Ф. 4п. Оп. 1. Д. 3508.
3. Старец Сампсон: подвиги и чудеса. М.: Нар. библиотека, 1994.
4. Поспеловский Д. В. Русская Православная Церковь в XX веке. М.: Республика, 1995.
5. РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 125.
6. НАРБ. Ф. 750. Оп. 1. Д. 567.
7. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 5030.
8. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 714.
9. Православная церковь на Витебщине (1918–1991): док. и материалы. Минск: НАРБ, 2006.
10. ГАООГО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 586.
11. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 4592.
12. ГАООГО. Ф. 69. Оп. 2. Д. 557.
13. ГАООГО. Ф. 451. Оп. 20. Д. 313.
14. ГАООГО. Ф. 69. Оп. 4. Д. 59.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 5263. Оп. 1. Д. 32.
16. Конфессии на Гомельщине (20–30-е гг. XX в.): док. и материалы / сост. М. А. Алейникова [и др.]. Минск: НАРБ, 2013.